

АНДРЕЙ РУБАНОВ

АНДРЕЙ РУБАНОВ

ХЛОРОФИЛИЯ ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

РОМАНЫ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
P82

Рубанов, Андрей Викторович.

P82 Хлорофилия. Живая земля : романы / Андрей Рубанов. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 477, [3] с.

ISBN 978-5-17--138526-2

«Хлорофилия». Россия, XXII век. Все население переехало в столицу, а Сибирь сдана в аренду китайцам. «Никто никому ничего не должен» — девиз, под которым живет Россия-Москва на китайские деньги. А однажды за двое суток Москва поросла травой с телебашню... Савелий Герц — специальный корреспондент журнала «Самый-самый» — узнает по тайным каналам: китайцы уходят из Сибири! Что ждет страну в будущем? Одно пока не вызывает ни у кого сомнения: трава безобидна для человека ... Но так ли это?

«Живая земля». Прошло двадцать лет. Небоскребы Москвы стоят полузаброшенными, люди не живут выше восьмого этажа. Кормившая всех трава исчезла, но сохранилась легенда, что где-то есть семя, способное возродить грибницу! Неожиданно это семя попадает в руки сына Савелия Герца Дениса и его друзей...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-138526-2

© Рубанов А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ХЛОРОФИЛИЯ

Часть первая

1

— Очень хочется пить, — сказал Савелий.

— Держи. — Варвара протянула бутылку воды, обогащенной витамином А. — Утоли жажду жизни. Как тебе сегодня моя внешность?

— Я в восторге, — без восторга ответил Савелий. Он терпеть не мог интерактивный макияж.

— Разве я не сексуальная?

— Успокойся. Сексуальная.

Он прибавил ход и перестроился.

На тридцатом километре стебель рос совсем рядом с дорожным полотном — мощный, темно-зеленый, уходящий, казалось, прямо в центр неба. Варвара задрала голову и элегантно поежилась.

— Вблизи они выглядят просто ужасно. Чешуйчатые. Как будто из земли торчит змеиный хвост.

— А ты не разглядывай, — посоветовал Савелий. — И вообще близко не подходи. Примут за травоядную.

Варвара заметно обиделась и гордо выпятила грудь.

— Я что, похожа на травоядную?

— Нет. Но все равно.

— Говорят, она с каждым годом все выше. Трава.

— Да, — ответил Савелий. — Трава выше, тень гуще. Бледных все больше. Скоро мир рухнет. Останется только трава и те, кто живут выше сотого этажа. Китайцы и их подручные.

Варвара, невеста Савелия, никак не походила на травоядную женщину. Травоеды обоих полов — особенно если принадлежали к бледным слоям населения — всегда выглядели преувеличенно бодрыми. Они шутили и непрерывно пританцовывали, одевались небрежно и норовили создать очереди возле каждого дешевого уличного солярия. А Варвара, как и полагалось женщине с семьдесят пятого этажа,

была томная, даже немного вялая. Эта специальная анемичность, неверность движений, манера говорить негромко и лениво считалась среди молодежи верхних этажей особым шиком. В комплект достоинств Варвары входили также красивые сильные плечи и высокие груди, упругостью сходные с теннисными мячиками.

«У меня полно времени, — подумал Савелий. — Не свернуть ли на обочину? Не использовать ли даму по прямому назначению? Красивая девушка, все при ней, в редакции завидуют...»

На подъезде к Юго-Западной скоростной эстакаде — как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад — глазам Савелия открылась огромная, в полнеба, ярчайшая (невозможно отвести взгляд) и при этом удивительно ненавязчивая, спокойных коричневых и зеленых цветов, голографическая инсталляция: стройная женщина с приятным лицом, бесконечно делающая один и тот же мягкий жест рукой, а над ней, под ней, сквозь нее, вокруг нее проступал, словно из воздуха, словно бы из самого здешнего жизненного уклада, основной лозунг, который уже много лет как объединял обитателей Москвы:

ТЫ
НИКОМУ
НИЧЕГО
НЕ ДОЛЖЕН.

И как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад — Савелий улыбнулся и ощутил легкость. Все просто. Напиши в небе огромными изумрудными буквами простую фразу из пяти слов — и народ будет счастлив.

Здесь тебя все любят и ничего не ждут взамен. Здесь ты никому ничего не должен.

Никто никому ничего не должен. Никто не обязан. Никто не согнут под бременем необходимости.

На перекрестке в заторе. К открытому по случаю теплого сентябрьского дня окну машины подбежал полуголый дилер, очень бледный, очень веселый, типичный травоед со стажем не менее чем в пять лет; грудь, спина и плечи сплошь покрыты давно вышедшими из моды трехмерными татуировками.

— Четвертая возгонка, — пробормотал он, улыбаясь.

— Уйди, — попросил Савелий.

— Недорого, — продолжал бледный поставщик радости. — Могу за наличные, могу по дружбе.

Савелий закрыл окно. «Кому нужна твоя дружба, убогий? Я — Савелий Герц, специальный корреспондент журнала “Самый-Самый”, моего расположения ищут тысячи людей».

— Лично я, — заметила Варвара, — вообще никогда не разговариваю с бледными.

— По-твоему, они не люди?

Тем временем дилер, ничуть не смутившись, клоунской походкой направился к следующему экипажу, по пути поправляя болтающийся на поясе глушитель полицейских сигналов.

«Четвертая возгонка, — подумал Савелий. — Какая гадость». Вся московская богема уже год как не опускается ниже седьмой. И вот-вот обещают восьмую. А на девяноста этажах, в царстве самых богатых, уже в ходу девятая, и эта девятая возгонка, по слухам, — что-то удивительное. Капсулы замаскированы под таблетки витамина А, одной дозы хватает на два дня, и использованы особые эффекты: ни при каких обстоятельствах ты не выглядишь травоедом. Не подпрыгиваешь от приливов энергии, не отпускаешь остроумные шуточки, не улыбаешься, не размахиваешь руками и трижды в день ешь обычную пищу, как добропорядочный гражданин. Но внутри себя — там, где твоя душа, в глубине «я», в голове, в сердце, — там тебе так хорошо, как никому никогда не было.

Еще говорят, что шеф Савелия и Варвары, издатель и главный редактор журнала «Самый-Самый», могущественный и отвратительный Пушкин-Рыльцев, безжалостный разрушитель чужих карьер, потомственный обитатель девяносто первого этажа, в три слоя покрытый натуральным шоколадным загаром, блестящий столетний ум, уже полгода сидит на девятой возгонке.

Но это слухи, распространяемые завистниками. Савелию точно известно, что старик не употребляет.

Тронулись. В зеркале Савелий успел увидеть, как дилер отпрыгнул на тротуар и растворился в толпе.

Корреспондент журнала «Самый-Самый» Савелий Герц проезжал через этот перекресток уже несколько лет. Утром и вечером один и тот же человек продавал тут мякоть травы — сначала вторую возгонку, потом третью, теперь у него есть и четвертая, а через год, надо думать, появится пятая.

«Почему его никогда не арестуют? Почему, — поражался Савелий, — я — профессиональный журналист, персоне, информированная донельзя, — не понимаю скрытых механизмов распространения главного зелья трех последних десятилетий? Почему в век тотального

контроля, когда объективы двадцати пяти конкурирующих друг с другом полиций простреливают каждый метр пространства, когда каждый смертный с младенчества имеет под кожей микрочипы, когда участники проекта “Соседи” сами с наслаждением контролируют собственную жизнь, — почему в то же самое время нищие бледные человечки, ничего и никого не опасаясь, на каждом углу готовы предложить тебе мякоть стебля в любых количествах? При том, что закон предусматривает десять лет тюрьмы за одну-единственную дозу?»

Ближе к центру Москвы трава пошла гуще. Находиться в тени было физически неприятно — Савелий прибавил ход.

Стебель рос на каждом свободном пятачке земли. Черно-зеленая чешуйчатая гадина двадцати пяти метров в поперечнике. И около трехсот метров высотой.

Стебли росли густо. Торжествующе покачивались на ветру. Отобрали все солнце. Заставили людей ощутить себя муравьями.

Савелий решил переключиться на что-нибудь более приятное и спросил:

— Как поживает твоя Маша?

— Кошмар, — тут же отозвалась Варвара, вчера просидевшая весь вечер в гостях у приятельницы; домой пришла после полуночи, пропахшая мартини и фруктовым кальянным дымом (сейчас Савелий с удовольствием понял, что она считает себя виноватой). — Эта авантюристка взяла пятизначный аванс за книгу «Как выйти замуж за сибирского китайца».

— Что же тут кошмарного?

Варвара засмеялась:

— А то, что она понятия не имеет, как выйти замуж за сибирского китайца. Позвонила одной случайной знакомой, которая замужем за миллионером, директором действительно китайского колхоза. Апельсиновым плантатором из Магадана. Попросила совета. А та говорит: дура, кто ж такие вещи рассказывает? И вообще, сказала, не звони сюда больше, потому что я теперь не Наташка Гаврилова, а Цзин Шу, что в переводе означает «тихая березка» или что-то в этом роде...

— Ну и пусть вернет аванс, — сказал Савелий.

— Ха. Он уже потрачен. А книга — анонсирована.

— Тогда пусть эта великая сочинительница прочтет пару путеводителей, биографию Мао Цзэдуна и брошюру «Конфуций для “чайников”». Перескажет своим языком, остальное досочинит.

Варвара помолчала немного и возразила:

— Все равно нужен какой-то минимум конкретики. Хотя бы два-три реальных совета.

— Зачем? — удивился Савелий. — Чтобы выйти замуж за китайца, надо выучить китайский язык. Это минимум четыре года упорного труда. А дуры, желающие выйти замуж за сибирского китайца, не способны к упорному труду. Потому что хотят выйти замуж за китайца, именно чтобы не трудиться. Замкнутый круг! Твоя Маша ничем не рискует. Покупатели ее книги изначально не способны воспользоваться ее советами.

— О, — сказала Варвара. — Ты гений. Я немедленно звоню.

— Учти, я потребую долю с гонорара.

— Не выйдет. Наша беллетристка за копейку удавится.

— Тогда, — сухо ответил Савелий, — пусть и думает сама. Пятизначные авансы брать умеет — значит, пора научиться и мозгами шевелить. Я гляжу, в последнее время писательниц многовато стало. В собаку кинешь — в писательницу попадешь.

Варвара посмотрела на него и спросила:

— А чего это ты так расшумелся?

— Того, — грустно ответил Савелий. — Чтобы написать роман, Гарри Годунов, если ты такого помнишь, специально переехал с шестидесятого этажа на пятый, в сырость и плесень, в самый дикий район, в болото. К конченным травоедам. И бесследно пропал.

— Чтоб бесследно пропасть среди конченных травоедов, — возразила Варвара, — много ума не надо.

Савелий усмехнулся. Спорить не хотелось, он не любил спорить. Тем более с подругой. Один жестокий хитрец сказал, что в споре рождается истина, — сколько миллионов часов провели, бесполезно сотрясая воздух, те, кто ему поверил?

Он повернул с проспекта. Впереди, меж слегка изогнутых зеленых столбов, появилась конечная цель поездки, место работы Савелия и Варвары — колоссальная пирамида ультрасовременного административно-жилого комплекса «Чкалов».

Савелий вздохнул и включил радио.

«...Премьер-министр отметил, что индекс экономического благополучия поднялся на четыре процентных пункта, и особо подчеркнул, что нет оснований ожидать в ближайшее время замедления темпов роста благосостояния граждан. Контроль над финансовыми поступлениями из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны будет усилен. “Идеология абсолютного процветания предус-

матривает непрерывную индексацию рентных платежей с учетом инфляции и цен на основные продукты потребления. Китайцы будут работать и платить, а мы будем тратить и наслаждаться” — так премьер закончил свою речь. Выступление неоднократно прерывалось овациями... К другим новостям. Сегодня утром возле здания Министерства экономики состоялась мирная демонстрация сторонников освоения периферийных территорий. Собравшиеся — около двадцати человек — потребовали выделения средств и организации исследовательских экспедиций в Тверскую и Ивановскую области. Лидер собравшихся, известный популист Иван Европов, заявил, что ситуация, при которой все население России, страны с самой большой в мире территорией, сосредоточено в одной только Москве, является абсурдной. Митинг сторонников господина Европова продолжался около часа и закончился стихийным банкетом... О культуре. В проекте “Соседи” продолжается беспрецедентный рост рейтинга популярности семьи Валяевых. Напомним, что Анастасия Валяева заявила сразу пятерым соискателям ее руки о своем согласии на замужество, причем двое из пятерых — отец и сын Гришко. В связи с этим рейтинг трансляций из апартаментов семьи Гришко также резко вырос. Как известно, лидером топ-листа по-прежнему остается семья Блоховатовых, где вчера состоялся крупный скандал по поводу раздела сумм, поступающих от спонсоров проекта. За трансляцией событий наблюдала аудитория в двадцать пять и семь десятых миллиона человек. Криминальная сводка. В Юго-Восточном округе Москвы вчера ночью группа злоумышленников пыталась произвести незаконную вырубку сразу четырех дикорастущих стеблей. Органами правопорядка задержано более ста участников акции, изъято и уничтожено семьдесят тонн субстанции, известной как “мякоть стебля”...»

Савелий поймал себя на том, что иронически кривит губы. Чепуха, а не новости. В наши времена процветают все, кроме журналистов. О чем писать? Об очередной эскападе этого болвана Европова? Если его так беспокоит периферия, Ивановская область или как там ее, — пусть сам едет в дикие дебри, лично исследует безлюдные пространства и заброшенные города, где некому жить и где уже полвека хозяйничают медведи и волки.

Впрочем, гражданский гнев профессионального журналиста Герца быстро угас. Не было желания гневаться в такой приятный день.

«Иногда, — подумал Савелий, — моя работа вступает в противоречие с содержанием моей жизни. Я очень люблю свою работу и терпеть не могу новости».

Автостоянкой на двадцать втором этаже дома «Чкалов» пользовались только те, кто в этом доме работал. Сейчас паркинг был почти пуст. Никто в Москве не работал до полудня. Только китайцы. Но у них имелись свои отдельные автостоянки.

У них имелись свои отдельные лифты, рестораны, увеселительные заведения, свои прачечные и зубоврачебные кабинеты. Только самые богатые выходцы из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны могли себе позволить жить в Москве, и эти миллиардеры жили не просто отдельно, но выше всех, на сотых этажах, в пентхаусах с полями для гольфа и вертолетными площадками. Почти все высотные дома в гиперполисе строились китайскими компаниями, из китайского железобетона и на китайские деньги. Даже самым оголтелым местным патриотам приходилось мириться с тем, что малочисленная китайская диаспора забирает себе лучшие места.

Савелий не считал себя оголтелым патриотом, он не любил завидовать и злобствовать, ему было все равно, где и как живут богатые китайцы. Он закрыл машину, подмигнул милиционеру объективу, взял Варвару за руку и пошел к лифтам.

По мере подъема из полутемного ущелья, где царствовали въевшиеся во все горизонтальные и вертикальные поверхности нездоровые запахи стоячей воды и горелой электроизоляции, по мере продвижения наверх, к солнцу и свету, Савелий стал переживать сначала бодрость, потом легкую, на пределе чувствительности, эйфорию, а затем и почти восторг. Хорошо было возноситься к небесам — туда, где лазурь и облака, — в бесшумном скоростном механизме. Хорошо было наблюдать подмигивание кнопок, подсвеченных нежно-сиреневым. Хорошо было впитывать льющуюся с потолка тихую музыку, немного сладковатую, но, в общем, изящно придуманную и жизнеутверждающую. И совсем здорово было вдыхать запах стоящей рядом, вполоборота, здоровой молодой женщины — при том, что женщина считалась его, Савелия, невестой, любила его прямой и веселой любовью, и если бы сейчас он, предположим, с наигранно-серьезным выражением лица ухватил ее за попку или даже (а что тут такого, черт побери?) запустил ладонь в ее штаны, оттянув ремешок из кожи пиджачка, и поигрался пальцами в самых интересных местах, то женщина поощрила бы его покачиванием стана, смеживанием век и благодарной улыбкой.

— На шестидесятом этаже, — тихо произнес он, — есть новый экспресс-отель. Альковы с голосовым управлением. Давай забежим на полчасака.

— Нам не хватит полчасака, — возразила Варвара, и Савелий понял, что она размышляет о том же.

«Вдвоем думать одну и ту же мысль — это замечательно», — восхитился про себя корреспондент журнала «Самый-Самый».

— Мне — хватит. — Савелий улыбнулся.

— А мне — нет. Можем опоздать. Старик будет ругаться.

— На то он и старик.

Варвара вздохнула.

— Лучше потерпеть. Предлагаю просто зайти куда-нибудь и выпить.

На семьдесят седьмом, на уступе, они зашли в кафе, обожаемое снобами из окрестных офисов (в основном адвокатских бюро и резиденций крупных продюсеров). Тут обслуживали живые официанты и открывался неплохой вид на город: стебли, у самой земли мощные, покрытые наполовину омертвевшей чешуей, здесь, на высоте двухсот пятидесяти метров, гнулись под ветром и собственным весом, мерно покачивались, и Савелий, задрав голову, увидел их глянцево отсвечивающие ярко-зеленые верхушки. На семидесятых уровнях уже можно было жить, тут сквозь зеленый частокол пробивались горячие солнечные лучи. У самой ограды, над пропастью, полуразвалиясь, бездельничали завсегдагаи, отхлебывая воду «Байкал дабл-премиум» и наблюдая из-под руки за появлением и исчезновением в небе голографических реклам, обещающих по сходной цене все мыслимые и немыслимые наслаждения, начиная от подключения к проекту «Соседи» и заканчивая специальным предложением: два китайских «бентли» по цене одного, только в этом месяце и только для членов Партии Абсолютного Процветания.

Савелий подвинул спутнице кресло, сел сам, попросил свежее-жатого сока — дыня с апельсином (плюс особый тоник по специальному рецепту бармена, ингредиенты держатся в секрете), вытянул ноги, чтобы всем — а главное, ему самому — были видны его новые, удобно облегающие ступни туфли, зажмурился от удовольствия (небо, ветер, полдень, XXII век) и позвал:

— Варвара.

— Что?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже. Только подвинься немного. Ты загораживаешь мне солнце.

— Слушай, — Савелий выполнил просьбу, — ты ведь писала диплом по русской литературе XX столетия.

— Это было давно.

— Помнишь выражение «лакировка действительности»?

— Смутно.

Савелий помолчал и выдал:

— А я его вижу.

— Что именно?

— Лак.

— Я тебя понимаю, — кивнула умная Варвара.

— Мне кажется, — Савелий сменил удобную позу на еще более удобную, — что все вокруг переливается.

— Ты просто выспался и отдохнул.

— Да. Смотри, какой смешной мальчишка.

— Не смешной, а модный. В этом сезоне все опять носят оранжевое и фиолетовое.

— А что носили в прошлом?

— Желтое и белое.

— А в позапрошлом?

— Лиловое. И трехмерные татуировки.

Герц тут же вспомнил чумазого дилера, давеча предлагавшего на перекрестке запрещенную дрянь, и ощутил угрозу личному психологическому комфорту.

«Надо реже бывать внизу, — решил он. — И ездить на работу, как все нормальные трудящиеся, по платным эстакадам на высоте двадцать пятого уровня. Дороговато, зато ты избавлен от необходимости наблюдать своих бледных соотечественников, обожравшихся мягкости, хихикающих, грязных, а главное, весьма многочисленных. Да, удручает не их вид, а именно количество. Причем бледных все больше. Это заметно всякому внимательному человеку...»

— Отличный день. — Он опять улыбнулся Варваре, снова перенастраивая себя на получение удовольствия. — У меня появилось вдохновение. Предлагаю выпить по бокалу шампанского. И пойдем. Сегодня нельзя опаздывать.

— Шампанское? — задумчиво протянула невеста. — В полдень? В понедельник? Нет. Мне воспитание не позволяет.

— Как хочешь. — Савелий встал, оттолкнувшись ладонями от подлокотников и успев отметить силу своих мышц-разгибателей. Прекрасные мышцы-разгибатели, прекрасное кресло, прекрасное утро.